

Для императрицы автор статьи был только скучным «педантом», проявившим к тому же большую дерзость. По замечанию Я. К. Грота, он был «из критиков „Собеседника“ всех неприятнее издателям и сотрудникам».⁷

Насмешки вызывала серьезность Любослова и особенно его стиль, слишком торжественный и тяжеловесный. Посмеявшись над ним с бесцеремонностью сильного, Екатерина продолжала оставаться в своем ореоле «покровительницы просвещения». Политического значения выступлению Любослова, конечно, придавать незачем, но реакция на него со стороны императрицы очень показательна: здесь еще раз обнаружилась фальшь ее показных забот о развитии русского языка, русской науки и образования.

Из сказанного явствует, что Любослов — лицо, заслуживающее внимания исследователя. И действительно, в критической литературе уже давно было высказано несколько разных догадок о том, кому мог принадлежать этот псевдоним. В словаре И. Ф. Масанова (2-е издание) он приписывается академику И. И. Лепехину, а ссылка дается на указание Л. Майкова в статье «Несколько данных для истории русской журналистики».⁸ Но сам Майков, в свою очередь, опирается лишь на замечание митрополита Евгения о сотрудничестве Лепехина в «Собеседнике», где он якобы поместил много своих статей.⁹ Однако Н. А. Добролюбов справедливо считал, что митрополит Евгений мог ошибиться в данном случае, «как ошибся он, сказав, что в „Собеседнике“ помещена была речь кн. Дашковой, говоренная ею при учреждении Российской Академии».¹⁰ Кроме того, следует учесть, что И. И. Лепехин слишком много времени уделял научным путешествиям и обработке своих материалов. Деятельность его в области филологической науки сводилась в основном к участию в работе над составлением словопроизводного Словаря (будучи Непременным секретарем Российской Академии, он просто не мог остаться в стороне от этого большого дела), причем он толковал преимущественно слова, относящиеся к естественной истории.¹¹ А Любослов — это человек, который очень много и кропотливо занимался непосредственно филологией; следовательно, это едва ли мог быть Лепехин.

Ценные замечания по вопросу о принадлежности псевдонима высказал Я. К. Грот. Говоря о Лепехине и Румовском как о возможных авторах «Начертания», исследователь сам же указывает на малоосновательность таких предположений.¹² Правда, Я. К. Грот обращает внимание на слова Любослова о том, что «знание вещественных наук превосходит красоту речей» и делает из этого вывод: «Главным предметом его занятий была однако ж, по-видимому, не филология, а естествознание или математика».¹³ Далее Я. К. Грот отмечает, что метафоры Любослова предполагают знакомство его с оптикой и астрономией. Все это очень интересно, но требует некоторого уточнения.

щих», опубликованное по рукописи А. Н. Пыпиным в «Сочинениях императрицы Екатерины II» (т. V, Спб., 1903, стр. 161—163, 211—213).

⁷ Я. К. Грот. Жизнь Державина. Спб., 1880, стр. 328.

⁸ Л. Майков. Несколько данных для истории русской журналистики. Спб., 1876, стр. 38—39.

⁹ Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, т. II. М., 1845, стр. 10.

¹⁰ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 40.

¹¹ В. Поленов. Краткое жизнеописание И. И. Лепехина. «Труды Императорской Российской Академии», 1840, ч. II, стр. 205—216.

¹² Я. К. Грот. Жизнь Державина, стр. 331. При ссылке на эту работу И. Ф. Масанов по ошибке называет рядом с именами Лепехина и Румовского имя Н. П. Румянцева.

¹³ Там же, стр. 330.